

ХИЩЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ПОСЛЕВОЕННОЙ КОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНЕ: ОТ СТРАТЕГИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ПОВСЕДНЕВНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ К ТАКТИКЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ

В статье на основе анализа широкого круга исторических работ и архивных материалов рассматривается проблема хищения общественной собственности в послевоенной колхозной деревне. По мнению автора, в исследуемый период крестьянство осознает жизнестойкость существующей колхозной системы и вместо тактики пассивного сопротивления берет на вооружение стратегию активного приспособления. Одним из проявлений данной стратегии является хищение колхозного имущества, т. к. воровство государственного имущества сельское общество не рассматривало как абсолютное зло.

Ключевые слова: советское крестьянство, хищение общественной собственности, послевоенное село, колхозная деревня, власть, преступление, пассивное сопротивление, тактика приспособления.

Советский аграрный проект стал трагедией советской деревни. Итогом сталинской модернизации сельского хозяйства СССР явился процесс насильственного раскрестьянивания и деформации шкалы нравственных ценностей сельского социума. Трагедия заключается не только в утрате российским обществом своей крестьянской составляющей, но и в том, что советский эксперимент нарушил каналы межпоколенной культурной трансляции. Традиционные механизмы социальной преемственности российского общества были вытеснены идеологическими догматами марксизма и на основе методов партийной пропаганды конструировались новые модели социального поведения. Но крушение идеологической гегемонии марксизма в политическом пространстве российской государственности создало вакуум в духовно-идеологической сфере и породило проблему поиска оснований гражданско-государственной идентичности современной России. Решение данной проблемы невозможно без тщательного анализа предшествующего опыта и механизмов трансформации ценностных установок социальных субъектов в период советского строя, особенно крестьянства.

Анализ механизмов и последствий советского аграрного проекта неоднократно становился предметом специальных исторических исследований. Необходимо отметить, что долгое время в рамках отечественной исторической школы, в силу жесткого диктата правящего режима, коллективизация сельского хозяйства в СССР оценивалась как социально значимое достижение советской власти, давшее возможность крестьянству улучшить свое материальное положение, избавиться от перманентного голода и повысить свой образовательно-культурный потенциал [1; 7; 14; 19; 20]. В зарубежной

* © Хасянов О.Р., 2016

Хасянов Олег Ренатович (Oleg-has@yandex.ru), кафедра российской истории, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; кафедра философии и истории, Ульяновская государственная сельскохозяйственная академия имени П.А. Столыпина, 432017, Российская Федерация, г. Ульяновск, бульвар Новый Венец, 1.

исторической литературе аграрные преобразования советского правительства оценивались не так однозначно, а чаще всего — негативно. Так, В.З. Голдман, Ш. Фицпатрик, Л. Виола, Р. Конквест причину голода 30-х гг. видят в государственной политике заготовок продовольствия для нужд индустриальных центров [5; 17; 18; 23; 30]. По мнению А. Грациози, коллективизация стала последним этапом войны, которую вела большевистская власть с крестьянством [16]. Именно коллективизация, по мнению П.Р. Грегари, «нанесла смертельный удар по советскому сельскому хозяйству» и сельскому обществу [17, с. 14]. Лишь в конце XX в. на волне демократических преобразований в российской науке появляются работы отечественных историков, рассматривающих историю советского крестьянства с объективных позиций [2; 4; 21; 22; 24]. Демографические последствия коллективизации и Великой Отечественной войны были исследованы О.М. Вербицкой [4]. Она справедливо отмечает, что государственное перераспределение ресурсов в пользу города привело в послевоенном сельском социуме обострению проблемы численного соотношения мужчин и женщин, особенно молодых возрастных групп, что усиливало процесс раскрестьянивания села [4, с. 333–334]. Сами механизмы раскрестьянивания регламентировались государством по средствам налогообложения села, заготовок сельхозпродукции, регулированием землепользования и т. д. [25, с. 4]. Вызванная коллективизацией социальная трансформация крестьянского социума сделала единственной формой выживания на селе полуподпольную жизнь с двойной линией поведения и двойной нормой морали [26, с. 4]. Крестьянство берет на вооружение «оружие слабых», что Дж. Скотт называет стратегией пассивного повседневного сопротивления. Оно выражается в разрушении мер государственной политики не открытым выступлением против власти, а уклонением от работы, мнимым неведением, клеветой, поджогами и т. д. [29, с. 285–288]. Уже в первые месяцы коллективизации отчетливо стало проявляться массовое пассивное сопротивление крестьян колхозному строю. Оно находило выражение в отказе выхода на работу в колхозном хозяйстве, сокращении посевных площадей, невыполнении плановых норм, нарушении трудовой дисциплины [30, с. 10, 75, 81, 235].

Тяжким испытанием на плечи советских крестьян легла Великая Отечественная война, которая ухудшила и до того тяжелое материальное положение колхозников. Труд в колхозном хозяйстве не мог удовлетворить жизненные потребности крестьянства, и колхозники в массовом порядке, нарушая трудовую дисциплину в колхозах, стали уделять основное внимание трудовой деятельности на своем приусадебном участке. Размеры, которых самовольно расширяли, культивировали на них не только овощные, но и зерновые культуры. Данные повседневные практики в крестьянской среде породили надежды на роспуск колхозов по окончании войны, но они оказались беспочвенными.

Вопреки ожиданиям народа жизнь в послевоенной колхозной деревне не только не улучшилась, но своей тяжестью стала превосходить годы военного лихолетья [26, с. 4]. Уже 19 сентября 1946 г. Совет Министров СССР принятием специального постановления «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» объявило о восстановлении довоенных принципов взаимодействия власти с крестьянством. Принятие постановления было вызвано множеством случаев нарушения Устава сельскохозяйственной артели, что выражалось «в неправильном расходовании трудодней, расхищении общественных земель колхозов, в растаскивании колхозной собственности, злоупотреблениях со стороны районных и других партийно-советских работников, нарушении демократических основ управления делами сельскохозяйственной артели — выборности правлений и председателей колхозов, их подотчетности перед собраниями колхозников». Практика реализации данного постановления вылилась в очередную кампанию, направленную на экономическое удушение крестьянской самостоятельности.

В условиях укрепления колхозной системы крестьянство было вынуждено сменить тактику пассивного сопротивления аграрной модернизации стратегией активно-

го приспособления. Таким образом, колхозники искали выгоды от своего зависимого от государства положения. В условиях неэкономического принуждения к труду и постоянной репрессивной угрозы, когда без участия в общественном производстве невозможно было пользоваться приусадебным участком, крестьянство начинает активно практиковать мелкое хищение общественной собственности, что по их представлениям не являлось преступлением, а было лишь компенсацией использования их труда. Воровство «стало наиболее доступным и распространенным «оружием слабых»» [22, с. 132]. Но в крестьянском миропонимании это было вовсе не воровством, а восстановлением справедливости — «забирали свое, заработанное» [22, с. 132]. Необходимо отметить, что, не смотря на эрозию крестьянской морали, воровали только колхозное, как и в предшествующие времена, посягательство на чужое имущество сельским обществом осуждалось и не допускалось.

Архивные документы и материалы периодической печати свидетельствуют о том, что хищение общественной собственности в послевоенной колхозной деревне было массовым явлением особенно в период посевной и уборки урожая. Так, члены колхоза «Красный Октябрь» Радищевского района О. Р-ин и С. Х-ов систематически нарушавшие трудовую дисциплину в артели, летом 1946 г. занимались хищением хлеба с тока пятого отделения Зерносовхоза. В конце июля они были задержаны с 172 кг ржи [3, с. 4]. Хищением зерна также занималась колхозница А. П-ва из артели «Ударник», которая с колхозного поля похитила 50 кг зерна. В колхозе «Свободный труд на земле» Павловского района «лжеколхозницы» Анна А-ва и Ирина З-ва занимались воровством колхозного имущества, в частности, различных кормов [28, с. 2].

В начале сентября 1946 г. Павловским районным судом за хищение колхозного хлеба была осуждена группа колхозников. За кражу 114 кг хлеба в колхозе «Путь Октября к двум годам лишения свободы был осужден С.В. Б-ов. Член колхоза имени Нариманова А.И. А-ев за хищение 26 кг хлеба был осужден к 1,6 годам, за кражу из колхоза «Путь вперед» 28 кг хлеба осужден к одному году лишения свободы — А.Л. А-ов [6, с. 2]. В Астрадамовском районе заведующий током колхоза «Новая Чаботаевка» за хищение 82 кг зерна был осужден к 4 годам «с возвращением похищенного хлеба в пользу колхоза» [15, с. 2].

За период уборки урожая 1947 г. в Старомайском районе Ульяновской области за хищение зерна следственными органами было привлечено к уголовной ответственности 15 человек, которые в общей совокупности похитили из колхозов 591 кг зерна. За совершенные преступления колхозники были приговорены к лишению свободы сроком от 8 до 15 лет [11. Л. 178].

Во время уборочной кампании 1948 г. правоохрательными органами были вскрыты случаи массового хищения хлеба в колхозах Новоспасского и Николаевского районов Ульяновской области. В колхозе «Свободный труд» бригадир полеводческой бригады К-ов совместно с штурвальным Ф-ым, сторожем тока У-ым и возчиком соломы О-ым похитили 270 кг ржи. У семи колхозников из артели «Заветы Ильича», возвращающихся с полевых работ, было обнаружено 1088 кг зерна [9. Л. 70]. Также факты хищения хлеба были установлены в колхозах «Свободный труд», «2-я большевистская весна», «Маяк революции», «Знамя революции» [9. Л. 70].

В ночь с 17 на 18 июля 1949 г. члены колхоза «Большевик» Новоспасского района Б-ов М.Л., Б-в, Ч-ва и Ш-ва, работая на уборке урожая, воспользовавшись «бесконтрольностью правления колхоза и отсутствием охраны» по договоренности между собой, похитили из бункера комбайна 23 кг ржи [8. Л. 17].

Важно отметить, что в хищении общественной собственности участие принимали не только рядовые колхозники, но и различные лица, наделенные властными полномочиями, занимавшие властные должности не только в сельскохозяйственных артелях, но и в сельской администрации, правоохрательных органах, партийных организациях. Так, в колхозе «Путь к социализму» в ночь с 11 на 12 августа 1948 г. председатель Топорнинского сельсовета член ВКП (б) Г-ов вместе с участковым уполномо-

моченным РО МВД С-ым по договоренности с председателем колхоза членом ВКП(б) Н-ым организовали хищение зерна с тока колхоза [10. Л. 73].

В 11 часов ночи Г-ов, С-ев и Н-ин прибыли на ток и в присутствии сторожа насыпали два мешка ржи и, уложив их в телегу, насыпали еще «около центнера пшеницы» [10. Л. 73]. Но их действия привлекли внимание бригадира полеводческой бригады, члена ВКП(б) Г-ва и счетовода Е-ва, которые «установили за ними наблюдение и в момент отъезда задержали» [8. Л. 17]. Вернувшись в деревню, члены преступной группы устроили пьянку, в которую пытались вовлечь бригадира и счетовода. Но последние от приглашения отказались и заявили о совершенном преступлении в районный отдел милиции.

Правление колхоза «13-й год Октября» Павловского района летом 1947 г. пыталось скрыть факт хищения 70 кг колхозной ржи двумя колхозниками, оштрафовав их на 10 трудодней [13. Л. 2 об.]. Такое решение было принято вследствие того, что один из расхитителей был сыном председателя колхоза. Но один из членов правления сообщил в прокуратуру о совершенном преступлении. Воры были привлечены к уголовной ответственности на основе положений Указа от 4 июня 1947 г.

О систематическом хищении общественного имущества бригадиром полеводческой бригады колхоза имени Ленина П.И. Щ-ва сообщала в 1953 г. районная газета «Голос ударника». Он не только пользовался бесплатно колхозной тягловой силой для своих нужд, но и занимался хищением колхозной соломы и строительных материалов, приобретенных артелью для постройки здания телятника [27, с. 2].

В октябре 1947 г. прокуратурой Инзенского района Ульяновской области после проверки 12 колхозов и 4 подсобных хозяйств государственных учреждений было установлено, что «в колхозе и других организациях, возчиками зерна, сторожами его, допущены люди, не внушающие доверия, ранее судимые», тем самым создавались условия для дальнейшего хищения хлеба [12. Л. 6]. Такие случаи не были единичными. Так, в колхозе «Нацмен» Радищевского района во время обмолота хлеба колхозник М.Н. П-ов, пользуясь отсутствием охраны, «из тока уходил позже всех и приносил домой в заранее насыпанном мешке зерно, и прятал дома за печкой» [12. Л. 7]. При обыске в его доме было обнаружено «10 пудов колхозного зерна» [12. Л. 7]. За данные деяния М.Н. П-ов был осужден к 8 годам исправительно-трудовых лагерей. В колхозе «27-я годовщина Октября» Астрадамовского района сторожа систематически занимались хищением хлеба [13. Л. 2 об.].

При хищении колхозного имущества, в частности зерна, колхозники использовали различные схемы, свою смекалку и весь жизненный арсенал. В колхозе имени К. Маркса Павловского района в течение 10 дней октября 1947 г. у амбара с семенной пшеницей не было «ночного сторожа». За это время неизвестные лица «в полу амбара буравом провернули несколько отверстий, через которые похитили 1 ц. 80 кг пшеницы» [13. Л. 2 об.].

Украденное зерно прятали в снопах в поле, закапывали в укромных местах, навозных кучах, выгребных ямах и т. д. Так, в колхозе имени Молотова Новоспасского района сторож тока во время ночного дежурства похитил и спрятал в различные места омета с соломой 180 кг зерна.

Таким образом, хищение общественной собственности в послевоенном сельском хозяйстве носил массовый характер, а предпринимаемые государством различные меры репрессивного воздействия по отношению к колхозникам не имели действенных результатов. Во многом это было обусловлено безвыходным положением, в которое государство само же загнало крестьян, вынуждая их работать задарма в общественном производстве не обеспечивая материально. Участие в хищениях не только рядовых колхозников, но и лиц, облеченных властными полномочиями, свидетельствует о том, что в данный период это являлось тактикой активного приспособления сельского населения к реалиям жизни. Приходило осознание невозможности сопротивляться режиму и колхозному строю. Государство вынуждало крестьян все более активно

трудиться в общественном производстве. И не случайно, что большинство лиц, привлеченных к уголовной ответственности, являлись работниками, не уклоняющимися от работы в колхозе. Фактически ничего не получая на трудодни, колхозники свой трудовой вклад в общественное производство компенсировали мелкими хищениями результатов своего труда. Даже жесткое наказание за совершенное преступление в виде лишения свободы сроком до 25 лет и конфискация всего имущества не могло остановить процесс массового хищения в сельскохозяйственных артелях.

Библиографический список

1. Абросенко К. О социалистическом перевоспитании крестьянства. М., 1949.
2. Бердинских В. Русская деревня: быт и нравы. М.: Ломоносовъ, 2013. 272 с.
3. Бычков В. За хищение хлеба — к судебной ответственности // Голос ударника. 1946. № 35. С. 4.
4. Вербицкая О.М. Сельское население Российской Федерации в 1939—1959 гг.: демографические процессы и семья: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003.
5. Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: РОССПЭН, 2010. 368 с.
6. Воры колхозного хлеба осуждены // Заря коммуны. 1946. № 51. С. 2.
7. Вылцан М.А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя: 1946—1958. М., 1976.
8. Государственный архив Новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО). Ф. 8. Оп. 6. Д. 202.
9. ГАНИУО. Ф. 8. Оп. 6. Д. 204.
10. ГАНИУО. Ф. 8. Оп. 6. Д. 256.
11. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф.Р-2520. Оп. 7. Д. 28.
12. ГАУО. Ф.Р-2520. Оп. 7. Д. 33.
13. ГАУО. Ф.Р-2520. Оп. 7. Д. 37.
14. Глотов И.О. О материальной заинтересованности колхозов, колхозников и работников МТС. М., 1954.
15. Говендяева К. За расхищение хлеба — 4 года лишения свободы // Коллективная правда. 1945. № 38. С. 2.
16. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917—1933 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 96 с.
17. Грегори П.Р. Нужен ли был Сталин? // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы Межд. науч. конф. (Москва, 5—7 декабря 2008 г.). М.: РОССПЭН, 2011. С. 10—20.
18. Дэвис С. Мнение народа в сталинской России. Террор, пропаганда и инакомыслие. 1934—1941. М.: РОССПЭН, 2011. 233 с.
19. Заславская Т.И. Принцип материальной заинтересованности и оплата труда в колхозах. М., 1958.
20. Зеленин И.Е. Общественно-политическая жизнь советской деревни: 1946—1958. М., 1978.
21. Зима В.Ф. Голод в СССР. 1946—1947 гг.: происхождение и последствия. М.: Институт российской истории РАН, 1996. 265 с.
22. Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М.: РАН, 1999. 208 с.
23. Конквест Р. Жатва скорби: Советская коллективизация и террор голодом. London, 1988. 620 с.
24. Надькин Т.Д. Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М.: РОССПЭН, 2010. 311 с.
25. Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930—1940 гг. / под ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: Издательство ИДИМ, 2000. 214 с.
26. Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 — март 1953): сб. документов. М.: Прометей, 1993. 204 с.

27. Призвать к порядку расхитителя колхозного добра // Голос ударника. 1953. № 85. С. 2.
28. Расхитители кормов пойманы // Заря коммуны. 1946. № 7–8. С. 2.
29. Скотт Дж. Оружие слабых: повседневное сопротивление и его значение // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: хрестоматия / сост. Т. Шанин. М.: Прогресс, 1992. С. 285–288.
30. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001. 421 с.

References

1. Abrosenko K. O sotsialisticheskom perevospitanii krest'ianstva [On socialist reeducation of peasantry]. M., 1949 [in Russian].
2. Berdinskih V. Russkaia derevnia: byt i nruvy [Russian village: life and morals]. M.: Lomonosov, 2013, 272 p. [in Russian].
3. Bychkov V. Za khishchenie khleba – k sudebnoi otvetstvennosti [On the count of stealing of bread – to the judicial responsibility]. *Golos udarnika*, 1946, no. 35, p. 4 [in Russian].
4. Verbickaja O.M. *Sel'skoe naselenie Rossiiskoi Federatsii v1939-1959 gg.: demograficheskie protsessy i sem'ia. Dis. ... d-ra ist. nauk* [Rural population of the Russian Federation in 1939–1959 years: demographic processes and family. Doctor's of Historical Sciences thesis]. M., 2003 [in Russian].
5. Viola L. Krest'ianskii bunt v epokhu Stalina. Kollektivizatsiia i kul'tura krest'ianskogo soprotivleniia [Peasant revolt in the epoch of Stalin. Collectivization and the culture of peasant rebellion]. M.: ROSSPEN, 2010, 368 p. [in Russian].
6. Vory kolkhoznogo khleba osuzhdeny [Thieves of kolkhoz bread are condemned]. *Zaria kommyny*, 1946, no. 51, p. 2 [in Russian].
7. Vyltsan M.A. Vosstanovlenie i razvitie material'no-tekhnicheskoi bazy kolkhoznogo stroia: 1946–1958 [Reconstruction and development of material and technical basis: 1946–1958]. M., 1976 [in Russian].
8. Gosudarstvennyi arkhiv Noveishei istorii Ul'ianovskoi oblasti (GANI UO) [State archive of the Newest history of the Ulyanovsk Region]. F. 8. Op. 6. D. 202 [in Russian].
9. GANIUO. F. 8. Op. 6. D. 204 [in Russian].
10. GANIUO. F. 8. Op. 6. D. 256 [in Russian].
11. Gosudarstvennyi arkhiv Ul'ianovskoi oblasti (GAUO) [State archive of the Ulyanovsk Region]. F.R-2520. Op. 7. D. 28. [in Russian].
12. GAUO. F.R-2520. Op. 7. D. 33. [in Russian].
13. GAUO. F.R-2520. Op. 7. D. 37. [in Russian].
14. Glotov I.O. O material'noi zainteresovannosti kolkhozov, kolkhoznikov i rabotnikov MTS [On material incentive of collective farms, collective farmers and workers of machine and tractor station]. M., 1954 [in Russian].
15. Govendjaeva K. Za raskhishchenie khleba – 4 goda lisheniia svobody [On the count of stealing of bread – 4 years of deprivation of liberty]. *Kollektivnaia Pravda*, 1945, no. 38, p. 2 [in Russian].
16. Grazioci A. Velikaia krest'ianskaia voina v SSSR. Bol'sheviki i krest'iane. 1917–1933 gg. [Great Peasant's War in USSR. Bolsheviks and peasants. 1917–1933 years]. M.: ROSSPEN, 2001, 96 p. [in Russian].
17. Gregori P.R. Nuzhen li byl Stalin? [Was Stalin necessary?] in *Istoriia stalinizma: itogi i problemy izuchenii. Materialy Mezhd. Nauch. konf. (Moskva, 5–7 dekabria 2008)* [History of Stalinism: results and problems of study. Materials of the international scientific conference. Moscow, 5–7 December, 2008]. M.: ROSSPEN, 2011, pp. 10–20 [in Russian].
18. Devis S. Mnenie naroda v stalinskoj Rossii. Terror, propaganda i inakomyslie. 1934–1941 [Opinion of population in Stalin Russia. Terror, propaganda and dissidence. 1934–1941]. M.: ROSSPEN, 2011, 233 p. [in Russian].
19. Zaslavskaja T.I. Printsip material'noi zainteresovannosti i oplata truda v kolkhozakh [Principle of material incentive and remuneration of labour in collective farms]. M., 1958 [in Russian].
20. Zelenin I.E. Obshchestvenno-politicheskaia zhizn' sovetskoi derevni: 1946–1958 [Social and political life of Soviet village. 1946–1958]. M., 1978 [in Russian].
21. Zima V.F. Golod v SSSR. 1946–1947 gg.: proiskhozhdenie i posledstviia [Famine in the USSR. 1946–1947 years: origin and consequences]. M.: Institut rossiiskoi istorii RAN, 1996, 265 p. [in Russian].

22. Koznova I.E. XX vek v sotsial'noi pamiati rossiiskogo krest'ianstva [XX century in the social memory of Russian peasantry]. M.: RAN, 1999, 208 p. [in Russian].
23. Conquest R. Zhatva skorbi: Sovetskaia kollektivizatsiia i terror golodom [The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine]. London, 1988, 620 p. [in Russian].
24. Nad'kin T.D. Stalinskaia agrarnaia politika i krest'ianstvo Mordovii [Stalin agrarian policy and peasantry of Mordovia]. M.: ROSSPEN, 2010, 311 p. [in Russian].
25. Politika raskrest'ianivaniia v Sibiri. Vyp. 1. Etapy i metody likvidatsii krest'ianskogo khoziaistva. 1930–1940 gg. / pod red.: V.A. Il'inykh, O.K. Kavtsevich [Policy of defarming in Siberia. Issue 1. Stages and methods of liquidation of peasant farm. 1930–1940 years]. V.A. Il'yinykh, O.K. Kavtsevich (Eds.). Novosibirsk: Izdatel'stvo IDIM, 2000, 214 p. [in Russian].
26. Popov V.P. Rossiiskaia derevnia posle voiny (iiun' 1945 – mart 1953): Sbornik dokumentov [Russian village after the war (June 1945 – March 1953): Collection of documents]. M.: Prometei, 1993, 204 p. [in Russian].
27. Prizvat' k poriadku raskhititelia kolkhoznoho dobra [Call to order the plunderer of kolkhoz welfare]. *Golos udarnika*, 1953, no. 85, p. 2 [in Russian].
28. Raskhititeli kormov poimany [Plunderers of foodstuff are caught]. *Zaria kommuny*, 1946, no. 7–8, p. 2 [in Russian].
29. Scott G. Oruzhie slabykh: povsednevnoe soprotivlenie i ego znachenie. [Weapons of the weak: everyday antagonism and its meaning] in Velikii neznakomets. Krest'iane i fermery v sovremennom mire. Khrestomatiia. / Sost. T. Shanin [*The great unknown. Peasants and farmers in the modern world. Anthology*]. Compiler T. Shanin. M.: Progress, 1992, pp. 285–288 [in Russian].
30. Ficpatrik Sh. Stalinskie krest'iane. Sotsial'naia istoriia sovetskoi Rossii v 30-e gody: derevnia [Stalin peasants. Social history of Soviet Russia in the 30-ies: village]. M.: ROSSPEN, 2001, 421 p. [in Russian].

O.R. Hasyanov*

THEFT OF PUBLIC OWNERSHIP IN THE POSTWAR COLLECTIVE FARMS: FROM THE STRATEGY OF PEASANT RESISTANCE TO ROUTINE TACTICS DEVICES

On the basis of the analysis of a wide range of historical works and archival materials the problem of theft of public property in the post-war collective farms is viewed. According to the author, in the analyzed period, the peasantry was aware of the vitality of the existing collective farm system and instead of passive resistance tactics has adopted a strategy of active adaptation. One manifestation of this strategy is the theft of collective property, as long as theft of state property rural society was not regarded as an absolute evil.

Key words: Soviet peasantry, theft of socialist property, post-war village, collective farms, power, crime, passive resistance, tactics of adaptation.

Статья поступила в редакцию 15/XII/2015.
The article received 15/XII/2015.

* *Khasyanov Oleg Rinatovich* (Oleg-has@yandex.ru), Department of Russian History, Samara University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443086, Russian Federation; Department of Philosophy and History, Ulyanovsk State Agricultural Academy named after P.A. Stolypin, 1, Boulevard New Crown, Ulyanovsk, 432017, Russian Federation.